

СВЕРХДУША

Между одним и другим часами жизни есть разница в их власти и последствиях. Наша вера приходит мгновениями; наш порок имеет характер привычки. И всё же есть в тех кратких моментах глубина, которая заставляет нас приписать им больше реальности, чем всему прочему нашему опыту. По этой причине аргумент, который всегда выдвигают, чтобы заткнуть тех, кто сознаёт необычные надежды человека, а именно — взывание к опыту, всегда никчёмно и недействителен. Мы сдаёмся, уступая возражающему прошлое, и всё же надеемся. Он должен объяснить эту надежду. Мы полагаем эту человеческую жизнь дрянной, но как мы выяснили, что она такова? Что является основой нашей тревожности, этой древней неудовлетворённости? Что есть это всеобщее чувства недостатка и неведения, как не тонкий намёк, которым душа делает свои необычайные притязания? Почему люди чувствуют, что естественная история человека никогда ещё не была написана, и что он всегда оказывался впереди того, что вы о нём сказали, и это устаревало, а книги по метафизике оказывались бесполезны? Философия шести тысяч лет не обследовала покои и хранилища души. В её опытах всегда в конечном счёте оставался какой-то неопределимый остаток. Человек — это поток, источник которого скрыт. Наше существо спускается в нас неизвестно откуда. Самый точный вычислитель не может предугадать заранее, не ворвётся ли в следующее мгновение что-то невычислимое. И каждое мгновение я вынужден признавать источник событий высший, нежели воля, которую я называю своей.

Как с событиями, так же и с мыслями. Когда я наблюдаю текущую реку, которая из областей, которых я не вижу, сезонно вливает в меня свои потоки, я вижу, что я получатель, не причина, а удивлённый наблюдатель этих бесплотных вод; что я желаю, ищу и ввожу себя в настрой восприимчивости, но видения приходят от какой-то посторонней энергии.

Высший Критик ошибок прошлого и будущего и единственный пророк того, что должно произойти, — это та великая природа, в которой мы покоимся, как Земля в мягких объятиях атмосферы; то Единство, та Сверхдуша, внутри которой содержится частное существо каждого человека и делается единым со всеми другими; то общее сердце, поклонением которому является всякий искренний разговор и вверением которому является всякое верное действие; та непреодолимая реальность, которая опровергает все наши ухищрения и таланты и принуждает каждого быть принятым так, каков он есть, и говорить от своего характера, а не от своего языка, и которая всегда стремится проникать в наши мысли и действия, становясь мудростью и добродетелью, силой и красотой. Мы живём в последовательности, в разделении, в частях, в частицах. Тем временем, внутри человека есть душа целого, мудрое молчание, всеобщая красота, с которой всякая часть и частица равно связана; вечное Единое. И эта глубокая сила, в которой мы существуем и всё блаженство которой нам доступно, не только самодостаточна и совершенна в каждый час; но и акт видения и видимая вещь, наблюдатель и зрелище, субъект и объект — едины. Мы видим мир кусочками, один за другим, — солнце, луну, животное, дерево, — но целое, сияющими

частями которого всё это является, — это душа. Только видением той Мудрости можно прочесть гороскоп веков, и возвращаясь на наши лучшие мысли, предаваясь пророческому духу, который врождённо есть в каждом человеке, мы можем узнать, что он говорит. Слова каждого человека, говорящего от той жизни, должны казаться пустыми тем, кто со своей стороны не живёт в той же мысли. Я не решаюсь говорить за неё. Мои слова не несут её высокого смысла, они оказываются недостаточны и холодны. Только сама она может вдохновить кого захочет, и смотрите — их речь станет поэтичной, сладостной и вселенской, как поднимающийся ветер. И всё же я желаю, пусть профаническими словами, если нельзя использовать священные, указать на небеса этого божества и сообщить, какие намёки я собрал из трансцендентальной простоты и энергии Высшего Закона.

Если мы рассмотрим, что происходит при разговоре, грёзах, раскаянии, удивлении, в моменты страсти, в наставлениях снов, в которых часто мы видим себя, как на маскараде, где наш шутовской персонаж только увеличивает и усиливает реальный элемент и заставляет нас хорошо его заметить, мы уловим множество намёков, которые расширятся и осветятся в знание тайн природы. Всё стремится показать, что душа — это не орган человека, но оживляет и приводит в действие все органы; она не функция, как способность памяти, вычисления или сравнения, но пользуется ими, как руками и ногами; она не способность, а свет; не интеллект или воля, а хозяйка и того, и другого; она основа нашего существа, на фоне которой они лежат — безмерность, которой мы не владеем, да и которой невозможно владеть. Изнутри или из-за нас, сквозь нас сияет свет, светя на вещи и заставляя нас сознавать, что мы — ничто, а он — всё. Человек — это фасад храма, в котором обитает вся мудрость и всё добро. То, что мы обычно называем человеком — едящее, пьющее, сажающее, считающее, — в том виде, в каком мы его знаем, вовсе не представляет его, а напротив, представляет его неверно. Его мы не уважаем, но вот душа, чьим органом он является, заставила бы нас преклонить колени. Когда она дышит через его интеллект, это гений; когда она дышит через его волю, это добродетель; когда она течёт через чувства, это любовь. А слепота интеллекта начинается, когда он хочет быть сам по себе. Слабоволие начинается, когда индивид хочет быть чем-то отдельным. Всякая реформа нацелена в частности на то, чтобы позволить душе найти через нас путь, иными словами, завладеть нами, чтобы мы её слушались.

Эту чистую природу когда-нибудь ощутит каждый человек. Язык своими красками нарисовать её не может. Она слишком тонка. Она неопределима и неизмерима, но мы знаем, что она проникает нас и нас в себе содержит. Мы знаем, что всё духовное существование есть в человеке. Старая поговорка гласит: «Бог приходит к нам без звонка», что значит, что между нашими головами и беспредельными небесами нет какого-либо экрана или потолка; так что в душе нет никакой перегородки или стены — границы, где кончается человек, следствие, и начинается Бог, причина. Стены убраны. И мы открыты к глубинам духовной природы, к свойствам Бога. Мы видим и знаем Справедливость, Любовь, Свободу, Силу. Никому из людей никогда не возвыситься над этими природами, но они возвышаются над нами, особенно в моменты, когда наши интересы соблазняют нас нанести им ущерб.

Полновластие этой природы, о которой мы говорим, узнаётся по своей независимости от тех ограничений, которые окружают нас со всех сторон. Душа охватывает все вещи. Как я сказал, это противоречит всему опыту. Похожим образом она упраздняет время и пространство. У большинства людей влияние чувств пересиливает ум до такой степени, что стены времени и пространства уже выглядят реальными и непреодолимыми, и отзыватьсь легкомысленно об этих пределах — в миру признак сумашествия. И всё же, время и пространство — всего лишь обратные меры силы души. Дух играет со временем и «может сжать вечность в час или растянуть час до вечности».

У нас часто возникает чувство, что есть другая молодость и возраст, нежели те, что измеряются от года нашего естественного рождения. Некоторые мысли всегда находят нас молодыми и поддерживают нас такими. Из таких мыслей — любовь к вселенской и вечной красоте. Каждый человек выходит из такого созерцания с чувством, что она скорее принадлежит векам, чем смертной жизни. Малейшая деятельность интеллектуальных сил в некоторой степени избавляет нас от условий времени. В болезни, в утомлении, дайте нам поэтическую строфу или глубокое изречение, и у нас появляются новые силы; дайте том Платона или Шекспира, или просто напомните нам их имена, и сразу нас охватывает чувство долгожительства. Посмотрите, как глубокая, божественная мысль сокращает столетия и тысячелетия, проникая через века. Разве наставления Христа менее действенны сейчас, чем были тогда, когда впервые открылись его уста? Заметность фактов и личностей в моей мысли не имеет никакого отношения ко времени. И так всегда, мерило души — одно; мерило чувств и понимания — другое. Перед откровениями души Время, Пространство и Природа отступают. В обыденной речи мы соотносим все вещи со временем, как мы обычно относим чрезвычайно отдалённые друг от друга звёзды к одной окружающей нас сфере. И так мы говорим, что Судный день далёк или близок, что конец тысячелетия приближается, что день каких-то политических, моральных или социальных реформ близок, и так далее, когда имеем в виду, что в природе вещей один из созерцаемых фактов — внешний и преходящий, а другой — постоянный и сродный с душой. Вещи, которые мы сейчас оцениваем как фиксированные, одна за другой оторвутся, подобно созревшим плодам, от нашего опыта, и упадут. Ветер унесёт их, и никто не узнает, куда. Ландшафты, фигуры, Бостон, Лондон — факты столь же преходящие, как любые институты прошлого или клубы дыма или тумана; и так же с обществом, так же и с миром. Душа смотрит непрерывно вперёд, создавая перед собой мир, и оставляя миры позади. У неё нет ни дат, ни ритуалов, ни личностей, ни ценных бумаг, ни людей. Душа знает только душу; ткань же событий есть развевающаяся одежда, в которую она облачена.

Скорость прогресса должна вычисляться по её собственному закону, а не арифметикой. Продвижение души не происходит постепенно, так, как можно представить движением по прямой линии, но скорее, подъёмом состояния, что можно представить метаморфозой, подобной превращению из яйца в червячка, а из червячка — в муху. Рост гениев имеет некоторый *тотальный* характер; он не продвигает избранную индивидуальность так, чтобы она возвысилась сначала над Джоном, потом над Адамом, затем над Ричардом, причиняя им при этом болезненное чувство, когда они обнаруживают, что они ниже, но с каждым

болевым приступом роста человек расширяется там, где он работает, проходя с каждой такой пульсацией классы и популяции людей. С каждым божественным импульсом ум прорывает тонкие оболочки видимого и конечного и выходит в вечность, вдыхая и выдыхая её воздух. Он беседует с истинами, которые всегда провозглашались в мире, и осознаёт, что находится в более близкой симпатии с Зеноном и Аррианом, нежели со своими домочадцами.

Это закон нравственных и умственных приобретений. Простой подъём, такой, как будто в силу особой лёгкости, не в какую-то конкретную добродетель, а в царство всех добродетелей. Они — в духе, который содержит их всех. Душе требуется чистота, но чистота — не это; требуется справедливость, но справедливость — не это; требуется добродетельность, но это — нечто лучшее; так что чувствуется некое снижение и приспособление, когда мы позволяем разговоры о нравственной природе, чтобы побудить к добродетели, которой она требует. Для благородного ребёнка все добродетели естественны, а не болезненно приобретаемы. Говори, обращаясь к сердцу человека, и он внезапно становится добродетельным.

Внутри того же чувства находится зародыш интеллектуального роста, который подчиняется тому же закону. Способные на скромность, справедливость, устремление — уже стоят на платформе, повелевающей науками и искусствами, речью и поэзией, действием и милосердием. Ведь всякий, кто живёт в этом нравственном благословении, уже предвкушает те особые способности, которые люди так высоко ценят. У влюблённого нет такого таланта, такого умения, которого бы он не считал почти ничтожным перед возлюбленной, в какой бы малой степени она сама ни обладала соответствующими способностями; и сердце, которое отдаёт себя Высшему Уму, оказывается соотнесённым со всеми его трудами и пройдёт по царской дороге ко всем конкретным знаниям и силам. Поднимаясь к этому первичному и исконному настрою чувств, мы моментально переносимся со своей дальней станции на окружности к центру мира, где, как в покоях Бога, мы видим причины, и предвидим вселенную, которая есть лишь медленно разворачивающееся следствие.

Один из типов божественного обучения — это воплощение духа в форму — в формы, подобные моей собственной. Я живу в обществе, с людьми, которые отвечают на мысли в моём уме или выражают определённое послушание инстинктам, по которым я живу. Я вижу присутствие этого в них. Я уверен в общей природе; и эти другие души, эти отдельные «я», тянут меня, как не может ничто иное. Они шевелят во мне новые эмоции, которые мы называем страстями — чувства любви, ненависти, страха, восхищения, жалости; оттуда идут беседы, соревнование, убеждение, города и войны. Личности — приложения к первичному учению души. В молодости мы помешаны на личностях. Детство и юность видят весь мир состоящим из личностей. Но большой опыт человека открывает одну и ту же природу, проявляющуюся через их всех. Сами личности знакомят нас с безличным. Во всяком разговоре между двумя личностями делается неявная ссылка, как на третью сторону, на общую природу. Эта третья сторона или общая природа не общественна; она безлична, она — Бог. И в группах, где дискуссии искренние, особенно по высоким вопросам, происходит так, что компания сознаёт, что во всех мысль поднимается на равный уровень, что все обладают духовной собственностью на сказанное, так же, как и сказавший. Они

все становятся мудрее, чем были. Это как бы возводит над ними храм, единство в мыслях, в котором каждое сердце бьётся с более благородным пониманием способности и долга, и мыслит, и действует с необычайной торжественностью. Все сознают достижение более высокого владения собой. Это сияет для всех. Есть какая-то мудрость человечества, которая обща для величайших людей и для низших, и которую наше обычное образование часто обходит молчанием и препятствует ей. Ум един, и лучшие умы, любящие истину ради её самой, гораздо меньше думают о том, кто её собственник. Они благодарно принимают её отовсюду и не вешают на неё ярлыки с именем какого-либо человека, ибо она была их ещё задолго до того, извечно. Учёные и тщательно работающие над мыслью не имеют монополии на мудрость. Их насилие в управлении в некоторой степени делает их неспособными мыслить верно. Многими ценными наблюдениями мы обязаны людям, которые не очень остры или глубоки, а без особых усилий говорят такие вещи, в которых мы нуждались и за которыми долго и тщетно охотились. Действие души чаще бывает в том, что чувствуется и остаётся не сказанным, нежели в том, что сказано в любом разговоре. Это мыслится всяким обществом, и люди бессознательно ищут это друг в друге. Мы знаем лучше, чем делаем. Мы ещё не владеем собой, и в то же время знаем, что мы — что-то бо́льшее. Как часто в обычных разговорах со своими соседями я чувствую ту же истину, что нечто высшее в каждом из нас смотрит сверху на эту сценку, и что Юпитер приветствует Юпитера из-под личины каждого из нас.

Люди спускаются, чтобы встретиться. В их привычной и посредственной службе миру, ради которого они оставляют своё природжѐнное благородство, они напоминают тех арабских шейхов, которые живут в убогих домишках и соблюдают внешнюю бедность, чтобы спастись от жадности паши и приберечь всю демонстрацию богатства для своих внутренних хорошо охраняемых убежищ.

Она присутствует как во всех людях, так и во всякий период жизни. Она взрослая уже во младенце. В занятиях со своим ребёнком латинским и греческим мои достижения и деньги нисколько мне не помогают, а вот сколько в этом души, столько я получаю. Если я заставляю, она направляет свою волю против моей, одну против другой, и покидает меня, если я опускаюсь до того, чтобы бить его, воспользовавшись своим превосходством в силе. Но если я откажусь от волевого давления и буду действовать от души, считая её рефери и посредником между нами, из его юных глаз будет смотреть та же душа; он чтит и любит со мной.

Душа является и воспринимающей, и открывающей истину. Пусть скептики и насмешники говорят, что угодно, но мы знаем истину, когда её видим. Глупые люди спрашивают вас, когда вы говорите им то, чего они не хотят слышать: «откуда вы знаете, что это истина, а не ваше собственное заблуждение?». Мы узнаём истину, когда видим её — из убеждения, так же, как мы знаем, когда мы бодрствуем, что бодрствуем. У Эммануила Сведенборга есть великое высказывание, которое одно могло бы показать величие восприятия этого великого человека: «Доказательством понимания человека является не способность утверждать всё, что ему угодно, а быть в состоянии различить, что то, что истинно — истинно, а то, что ложно — ложно; вот признак, который характеризует разум». В читаемой мною книге хорошая мысль возвратит мне, как и всякая истина, образ целой души. А в ответ на плохую мысль, которую я там

встречаю, та же душа становится различающим, разделяющим мечом, и отсекает её. Мы мудрее, чем мы знаем. Если мы не будем вмешиваться своею мыслью, а будем действовать целостно, или видеть, как вещь расположена в Боге, то увидим и частности, и всё, и каждого человека. Ведь Создатель всех вещей и людей стоит за нами и передаёт своё потрясающее всеведение через нас на вещи.

Но помимо этого собственного распознавания в конкретных эпизодах индивидуального опыта, она также открывает истину. И здесь мы должны стремиться укрепить себя самим её присутствием, и говорить о нём в более возвышенном и достойном этого пришествия тоне. Ведь передача душой истины есть высшее событие в природе, поскольку тогда она даёт не что-то от себя, а себя саму, или входит в того человека, которого она озаряет и становится им, или пропорционально получаемой им истине, забирает его к себе.

Мы отличаем объявления души, проявления ею своей собственной природы, термином *откровение*. Такие проявления всегда сопровождаются эмоцией — чувством возвышенного. Ибо такое сообщение есть втекание божественного ума в наш ум. Это отлив индивидуального ручейка перед текущими волнами моря жизни. Каждое определённое постижение этого центрального повеления вводит человека в почтительный трепет и восторг. Через всех людей проходит трепет при приёме новой истины или при совершении великого деяния, которое исходит из сердца природы. В таких сообщениях способность видеть не отделена от воли к действию, а прозрение происходит от послушания, а послушание от радостного восприятия. Каждый момент, когда индивидуальность чувствует вторжение в неё этого, является памятным. В силу устройства нашей конституции индивидуальное сознание этого божественного присутствия сопровождается определённым энтузиазмом. Характер и длительность этого энтузиазма варьируются соответственно состоянию индивидуальности: от экстаза, транса и пророческого вдохновения — что есть более редкое явление — до малейших степеней благородных эмоций, в каковой форме это согревает, подобно нашим домашним очагам, все семьи и объединения людей, и делает возможным общество. Открытие религиозного чувства у людей всегда сопровождается некоторой склонностью к безумию, как если бы они были «ослеплены чрезмерным светом». Трансы Сократа, «союз» Плотина, видения Порфирия, обращение Павла, аврора Бёме, конвульсии Джорджа Фокса и его квакеров, озарение Сведенборга имеют такой характер. То, что в жизни этих замечательных людей было сильнейшим восторгом, в неисчислимом количестве примеров из обычной жизни проявлялось менее поразительным образом. Повсюду в истории религии обнаруживается склонность к энтузиазму. Восторженность моравских братьев и квиетистов, открытие внутреннего смысла Слова, говоря языком Церкви Нового Иерусалима, *оживление* кальвинистских церквей, *переживания* методистов, — всё это разнообразные формы того трепета, радости и восхищения, всегда сопровождающие сочетание индивидуальной души с мировой душой.

Природа всех этих откровений та же самая — это восприятие абсолютного закона. Они — разрешения собственных вопросов души. Они не отвечают на те вопросы, которые задаёт понимание. Душа никогда не отвечает словами, а отвечает той самой вещью, о которой спрашивается.

Откровение есть раскрытие души. Расхожее мнение об откровении — что это предсказание судьбы. В былых предсказаниях души понимание стремится найти ответы на чувственные вопросы и берётся узнавать у Бога и говорить, сколько люди проживут, что будут делать руками, кто составит им компанию, добавляя имена, даты и места. Но мы не должны взламывать никаких замков. Мы должны пресечь это низменное любопытство. Словесный ответ вводит в заблуждение; в действительности, это не ответ на задаваемые вами вопросы. Не требуйте описания стран, к которым вы направите свой корабль. Описание не опишет их вам, а завтра вы туда прибудете и узнаете их благодаря жизни там. Люди спрашивают о бессмертии души, о небесных занятиях, состоянии грешников и так далее. Они даже грезят, что Иисус оставил ответы точно по этим вопросникам. Но никогда, ни на мгновение, не говорил этот возвышенный дух на их жаргоне. С истиной, справедливостью, любовью — свойствами души — в сущности связана идея неизменности. Иисус, живя в этих нравственных строях и не волнуясь о чувственных удачах, а заботясь лишь о проявлениях первых, никогда не отделял идею длительности от сущности этих свойств, и не изрёк ни слога, касающегося длительности существования души. Это было оставлено его ученикам — отделить длительность от нравственных элементов и учить бессмертию души как доктрине, поддерживая её свидетельствами. В момент, когда доктрине бессмертия стали учить отдельно, человек уже пал. В потоке любви, в восхищении скромности нет вопроса о продолжении существования. Никакой вдохновенный человек никогда не задаёт этого вопроса и не снисходит до этих свидетельств. Ибо душа правдива по отношению к себе, и человек, в котором она светит, не может странствовать от настоящего, которое бесконечно, к будущему, которое могло бы быть конечным.

Эти вопросы, которые мы так страстно хотим задавать относительно будущего, сами суть признание в грехе. У Бога нет на них ответов. Никаким ответом в словах нельзя ответить на вопрос о вещах. То, что завтрашние факты скрыты завесой, это не самовольное «решение Бога», а заключено в природе человека; ибо душа не требует от нас читать иного шифра, нежели код причины и следствия. Этой завесой, скрывающей события, она учит детей человеческих жить в сегодня. Единственный способ получения ответа на эти вопросы чувств — превзойти всякое низменное любопытство, и, приняв волну бытия, которая несёт нас в тайны природы, работать и жить, работать и жить, и вот, вовсе не сознавая того, продвигающаяся душа уже выстроила и выковала себе новое состояние, и вопрос и ответ — одно.

Тем же огнём — жизненным, освящающим, небесным, который сжигает, пока не растворит все вещи в волны и приливы океана света, мы видим и знаем друг друга, и то, какого духа каждый. Кто может сказать, на чём основывается его знание характера некоторых людей в его дружеском кругу? Никто. И всё же их действия и слова его не разочаровывают. К одному человеку, хотя он не знает о нём ничего плохого, у него нет доверия. В другом, хотя они и редко встречались, он увидел подлинные признаки того, что на него можно положиться как на того, кто заинтересован в своей добропорядочности. Мы очень хорошо знаем друг друга — кто из нас справедлив к себе, и есть ли то, чему мы учим или что видим, только вдохновение или также и наше искреннее усилие.

Все мы — различители духов. Это лежит на поверхности в нашей жизни или является бессознательной способностью. Процессы взаимодействия в обществе — его торговля, его религия, его дружбы и его ссоры — это одно широкое, критичное исследование характера. На большом суде или в маленьком комитете, или стоя лицом к лицу, обвинитель и обвиняемый, люди предлагают себя, чтобы быть судимыми. Они против своей воли выставляют напоказ те решающие мелочи, по которым читается их характер. Но кто судит? И что? Не наше понимание. Мы не читаем это благодаря учёности или искусности в ремесле. Нет, мудрость мудрого человека состоит в том, что он их не судит; он позволяет им судить себя самим, и просто читает и записывает их собственные вердикты.

Благодаря этой неизбежной природе личная воля пересиливается, и невзирая на наши усилия или наши несовершенства, ваш гений будет говорить от вас, а мой — от меня. Тому, что мы есть, мы и будем учить, и не по своей воле, а невольно. Мысли приходят в наши умы и выходят из них по дорогам, которых мы никогда по своей воле не открывали. Характер учит, шагая через нашу голову. Безошибочный указатель истинного прогресса можно найти в том тоне, который принимает человек. Ни возраст его, ни воспитание, ни компания, ни книги, ни действия, не таланты, ни всё вместе взятое не может помешать ему чтить более высокий дух, чем его собственный. Если он не обрёл свой дом в Боге, его манеры, формы и обороты речи, и я скажу, строй всех его мнений, против его воли это раскроют, как бы он это ни делал вид. Если же он обрёл свой центр, Божество будет через него сиять — через все маски невежества, крутого нрава и неблагоприятные обстоятельства. Тон искания один, а тон обретения — другой.

Великое различие между учителями священными и книжными — между поэтами, подобными Херберту, и поэтами, подобными Поупу, между философами, подобными Спинозе, Канту и Колриджу, и философами, подобными Локку, Рэйли, Макинтошу и Стьюарту, — между людьми от мира, которые считаются успешными ораторами, и встречающимися здесь и там горящими мистиками, пророчествующими и полусумасшедшие от бесконечности мысли, — в том, что один класс говорит *изнутри*, или из опыта, переживания, как участники и владельцы факта, а другой класс — *извне*, просто как наблюдатели, или даже пожалуй как знакомые с фактом по свидетельству третьих лиц. Бесполезно проповедовать мне извне. Я и сам легко могу это делать. Иисус всегда говорит изнутри, и это на степень превосходит всех других. Вот в этом чудо. Я заранее верю, что это так должно быть. Все люди постоянно находятся в ожидании явления такого учителя. Но если человек не говорит из положения изнутри завесы, где слово едино с тем, о чём оно говорит, пусть он это смиренно исповедует.

То же самое Всеведение втекает в интеллект и создаёт то, что мы называем гением. Большая часть мудрости мира — вовсе не мудрость, и самые озарённые из людей несомненно выше литературной славы и не являются писателями. Среди множества учёных и писателей мы не чувствуем освящающего присутствия; мы чувствуем в них скорее умение и сноровку, нежели вдохновение. У них есть свет, а они не знают, откуда он приходит и называют его своим собственным; их талант есть лишь увеличенная способность, чрезмерно выросший орган, так что их сила — это болезнь. В этих случаях интеллектуальные дары создают впечатление не добродетели, а почти что порока, и мы чувствуем, что таланты человека встают на

пути его продвижения к истине. Но гений — религиозен. Это большее вбирание общего сердца. Он не аномален, а более похож, а не менее похож на других людей. У всех великих поэтов есть мудрость человечества, которая превосходит все таланты, ими упражняемые. Сочинитель, остряк, политически ангажированный писатель, утончённый джентльмен — все они не коренятся в человеке. Человечность сияет в Гомере, Чосере, Спенсере, Шекспире, Милтоне. Они довольствуются истиной. Они используют положительную степень. Они кажутся холодными и флегматичными тем, кто переперчен неистовой страстью и назойливой цветистостью более слабых, но популярных писателей. Ибо они — поэты от свободного движения, которое они позволяют наполняющей их душе, которая их глазами созерцает снова и благословляет созданные ею вещи. Шекспир несёт нас к такому возвышенному напряжению интеллектуальной деятельности, предлагая богатство, которое превосходит его собственное; и тогда мы чувствуем, что созданные им великолепные труды, которые в иные часы мы превозносим как самоцветы поэзии, не сильнее охватывают реальную природу, чем охватывает скалу тень проходящего мимо неё путешественника. Вдохновение, которое изрекло себя в Гамлете и Лире, могло слагать столь же хорошие вещи изо дня в день, вечно. Почему же тогда я должен придавать Гамлету и Лиру такое значение, как если бы у нас не было души, с которой они соскакивают, как слоги с языка?

Энергия эта не спускается в индивидуальную жизнь на каких-либо иных условиях, нежели полное овладение. Она приходит к простым и скромным; она приходит ко всякому, кто отбросит всё чуждое и гордое; она приходит как озарение, она приходит как безмятежность и величие. Когда мы видим тех, в ком она обитает, мы узнаём о новых степенях величия. Из этого вдохновения человек возвращается с изменённым настроением. Он не говорит с людьми, имея виды на их мнение. Он их испытывает. Он требует от нас быть ясными и правдивыми. Тщеславный путешественник пытается приукрасить свою жизнь, цитируя, что сказали или сделали ему государь, принц, графиня. Амбициозный и вульгарный человек покажет подаренные ими ложки, брошки и кольца, сохраняет их приглашения и подарки. Более культурные для своих рассказов выберут приятные, поэтические обстоятельства — посещение Рима, гениальных людей, встреченных ими, замечательных друзей, или великолепные пейзажи, освещение в горах и мысли, которые их там посетили — и тем стремятся нарисовать свою жизнь в романтическом цвете. Но душа, возносящаяся служить великому Богу, проста и правдива; у неё нет розового цвета, блистательных друзей, рыцарства и приключений, она не желает восхищения. Она прибывает в том часе, который есть сейчас, в искреннем опыте обычного дня — потому что нынешний момент и простые мелочи стали вовлекать в себя мысль и позволяют пить из моря света.

Поговорите с умом, который велик в своей простоте, и литература станет выглядеть просто игрой со словами. Самые простые высказывания наиболее достойны того, чтобы быть записанными, и всё же, они будут так дешевы (и вещи, конечно, тоже) рядом с бесконечными богатствами души. Это всё равно, что подобрать с земли несколько камешков или набрать немного воздуха в аптечный пузырёк, когда вся Земля и вся атмосфера — наши. Ничто не пропустит туда и не введёт в этот круг, кроме как отбрасывание своих ловушек и общение между людьми голой правдой, простой исповедью и всеведающим утверждением.

Такие души относятся к вам, как могли бы относиться боги; ходят, как боги по земле, принимая без всякого восхищения ваш острый ум, вашу щедрость, и даже вашу добродетель — скажем так, как должное, ибо то, что для вас добродетель, у них в крови, королевской, как они сами, и даже более чем королевской — присущей отцу богов. Но каким упрёком их простое братское отношение оказывается для взаимной лести, которою писатели тешат друг друга и ранят себя! Эти же не льстят. Для меня неудивительно, что эти люди идут повидаться с Кромвелем, Кристиной, Карлом II, Яковом I и турецким султаном. Ибо они по своему возвышенному положению товарищи королей и должны чувствовать общий холопский тон разговоров в мире. Они должны быть всегда находкой для принцев, ибо общаются с ними как король с королём, без уклончивости и уступчивости, в очень высокой степени подкрепляя и удовлетворяя их сопротивлением, простым человеческим отношением или даже дружбой, и новыми идеями. Они оставляют их более мудрыми и лучшими людьми. Такие души дают нам почувствовать, что искренность гораздо лучше лести. Общайся просто и с мужчинами, и с женщинами, сохраняй предельную искренность и полностью исключай возможность пустых разговоров, какие ведутся лишь для поддержания беседы. Это лучшая честь, которую вы можете отдать. Их «высшая похвала», сказал Милтон, «это не лезть, а самый простой их совет есть разновидность похвалы».

Невыразим союз человека и Бога в каждом действии души. Самый простой человек, который честно, целиком, поклоняется Богу, становится Богом; и всё же постоянно и вечно приток этого лучшего и вселенского Я оказывается новым и непостижимым. Он внушает трепет и изумляет. Какой дорогой и утешающей для человека становится, возникнув, идея о Боге, населяя пустынное место и изглаживая шрамы наших ошибок и разочарований! Когда мы разбиваем своего бога традиции и отказываемся от своего бога риторики, тогда может Бог зажечь сердце своим присутствием. Это — удвоение самого сердца, нет, бесконечное увеличение сердца силою роста к новой бесконечности со всех сторон. Это вдохновляет человека, вселяя безошибочное доверие. У него уже не убеждение, а видение того, что лучшее — это истинное, и в этой мысли он может легко отбросить все частные неуверенности и страхи, и отложить решение своих личных загадок до верного откровения времени. Он уверен в том, что его благополучие дорого сердцу бытия. В присутствии закона в его уме он переполнен доверием столь универсальным, что оно сметает своим потоком все лелеемые надежды и устойчивые проекты смертного состояния. Он верит, что не может избежать своего блага. Вещи, которые на самом деле для тебя, к тебе притягиваются. Вы бежите встретиться с другом. Пусть ваши ноги бегут, но ум ваш бежать не должен. Если вы его не найдёте, сможете ли вы признать, что лучшее — в том, чтобы вы не встретились с ним? Ибо есть сила, которая, как в вас, так и в нём, и потому она могла бы легко свести вас вместе, если бы так было к лучшему. Вы с нетерпением готовитесь пойти и оказать услугу, которую позволяет оказать ваш талант, и к которой призывает ваш вкус, любовь к людям и надежда на славу. Как же это так получилось, что у вас нет права пойти, если только у вас нет равной воли к тому, чтобы не быть в состоянии пойти? Верь, что пока живёшь, что всякий звук, сказанный где-либо на круглой Земле, который ты должен услышать, достигнет твоего уха! Каждая притча, каждая книга, каждая поговорка, предназначенная тебе

для помощи или утешения, непременно дойдёт до тебя прямым или окольным путём. Всякий друг, которого хочет не твоя фантазия, а великое и чувствительное сердце в тебе, примет тебя в свои объятия. И это так, потому что сердце в тебе — это сердце всех; не клапан, не стена, не пересечение существует в природе, а одна кровь непрерывно бежит через всех людей в бесконечной циркуляции, как вода Земного шара вся есть одно море, и будучи рассмотрен в истинном свете, прилив её един.

Так что пусть человек узнает откровение всей природы и всю мысль своего сердца; а именно это — что Высшее пребывает с ним, что источники природы есть в его собственном уме, если там есть чувство долга. Но если он хочет знать, что говорит великий Бог, то он должен «уйти в свою комнату и закрыть дверь», как сказал Иисус. Бог не станет являться толпам. Нужно погрузиться в великое слушание себя, отвлекшись от восклицаний преданности других людей. Даже их молитвы ему вредны, пока он не сотворил свою собственную. Наша религия вульгарно основывается на количествах верующих. Где апеллируют к числам (не важно, насколько косвенно), что-то провозглашают, там религии нет. Тот, кто находит Бога сладостной, охватывающей мыслью, никогда не пересчитывает свою компанию. Когда я сижу в этом присутствии, кто осмелится войти? Когда я покоюсь в совершенном смирении, когда я горю чистой любовью, что могут сказать Кальвин или Сведенборг?

Нет разницы — апеллируют к множествам или к одному. Вера, которая основана на авторитете — не вера. Полагание на авторитет есть мерило упадка религии, удаления души. Положение, в которое люди поставили Иисуса, уже много столетий, это положение авторитета. Это характеризует их самих. Это не может изменить вечных фактов. Велика душа и проста. Она не льстец, она не последователь, она никогда не апеллирует к себе. Она в себя верит. Перед огромными возможностями человека отступает весь обычный опыт и вся прошлая биография, какой бы безупречной и святой она ни была. Перед теми небесами, которые предвещают нам наши предчувствия, мы не можем легко славить любую форму жизни, которую видели или о которой читали. Мы не только утверждаем, что у нас немного великих людей; абсолютно говоря у нас их нет. Нет ни истории, ни данных о каком-либо персонаже или образе жизни, которые бы полностью нас удовлетворяли. Святых и полубогов, которым поклоняется история, мы вынуждены принимать с некоторой долей допущения. Хотя в часы одиночества мы черпаем новую силу из памяти о них, всё же когда их навязывают нашему вниманию, как делается по обычаю недумающими людьми, они утомляют и осаждают. Душа даёт себя, одна, изначальная и чистая, Одинокому, Изначальному и Чистому, которое при этих условиях с радостью поселяется в ней, ведёт её и через неё говорит. Тогда она рада, молода и подвижна. Она не мудра, но видит все вещи насквозь. Она не называется религиозной, но она невинна. Она называет свет своим собственным и чувствует, что трава растёт и камень падает по закону, который ниже её природы и зависим от неё. Смотрите, — говорит она, — я родилась в великий, вселенский ум. Я, несовершенная, восхищаюсь своим собственным Совершенным. Я каким-то образом восприимчива к великой душе, и благодаря этому смотрю сверху на солнце и звёзды, чувствуя, что они — лишь справедливые последствия и случаи, которые изменчивы и преходящи. Волны

вечного всё больше и больше входят в меня, я и становлюсь общественной и человеческой в своих отношениях и действиях. Так я начинаю жить в мыслях и действовать энергиями, которые бессмертны. Так почитая душу и познавая, как говорили древние, что «её красота безмерна», человек начинает видеть, что мир — извечное чудо, творимое душой, и меньше поражается частными чудесами; он узнаёт, что профанической истории нет, что вся история священна, и что вселенная представлена в атоме в момент. Он больше не будет сшивать себе лоскутную жизнь, требующую заплаток, но будет жить с божественным единством. Он отбросит всё, что было низменного и пустого в его жизни, и будет доволен любым местом и любой службой, которую он может сослужить. Он спокойно встретит завтрашний день в беззаботности той веры, которая несёт с собой Бога, и уже таким образом содержит в глубине сердца всё будущее.

1841

Перевод К.З.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

